

*«Это действительно новое поколение комсомольцев»:
поколение-хамелеон*

Коммунисты и комсомольцы
вовсе не против личной жизни,
любви, нежности и дружбы⁶

Правда, 1940 г.

Между 1938 и 1940 годами число членов ВЛКСМ удвоилось. Однако гордость за более чем десятиmillionную организацию лишь скрывала недостаточность знания того, что же из себя представляет новое поколение комсомольцев.

К этой проблеме часто обращались старые комсомольцы и коммунисты, писавшие в «Правду» и «Комсомольскую правду»: «Я почти обескуражен. Этот парень родился, когда я вступил в комсомол. Я наблюдал за ним и думал про себя: это действительно новое поколение комсомольцев, в незнакомстве с “истинным лицом” которого убеждает нас автор статьи»⁷. В конце 1930-х годов главной темой статей партийных и комсомольских активистов становится признание того, что процесс омоложения организации упущен и связь с юными массами потеря-

на. Эти жалобы нашли свое окончательное выражение в постановлении ЦК комсомола «К улучшению работы с комсомольским активом»⁸.

Восстановление связи с молодыми неофитами оказалось непростым началом, поскольку не было простым исправлением случайных недостатков в работе комсомола. Сама возможность нахождения общего языка между поколениями представлялась проблематичной. Согласно дискуссии, развернувшейся на страницах «Правды», юные комсомольцы, рожденные в начале и середине 1920-х годов, представляли собой новый социокультурный феномен и рассматривались не просто как следующее поколение, но скорее как неизвестные и загадочные чужаки. Эта новизна происходила из недавно открытой способности нового поколения вести двойную — между личным и общественным — жизнь. «Целостная» личность революционного поколения, для которой общественное было неразрывно связано с личным, оказалась противопоставленной раздробленной многоликой толпе.

В «Правде», например, отмечалось, что новому поколению свойственна внутренняя расщепленность личности, в которой удивительным образом сочетаются, казалось бы, несочетаемые качества. Это поколение вело себя по-одному дома и по-другому в классе, говорило одним языком на комсомольских собраниях и другим в частной беседе, эти люди были достаточно начитанны, чтобы цитировать Блока и Маяковского девушке на свидании, могли без труда отпустить грязную шутку в адрес женщины в мужской компании и в то же время сделать доклад в школе по случаю Международного женского дня⁹. В отличие от двуликих «буржуазных элементов» 1920-х и «врагов народа» 1930-х, чье раздвоение личности легко объяснялось внутренним конфликтом с молодым советским государством, новое поколение являлось порождением самой системы — но, без сомнения, порождение это не было нисколько запланированным. Его кажущаяся двойственность необъяснимо произошла из самых основ советской жизни, из новых общественных условий, и обнаружила пугающую потерю контроля со стороны партии и комсомола над процессами, происходящими в обществе¹⁰. «Кто виноват?» — этот вопрос появляется один раз как заголовок и неоднократно в качестве темы статей в «Правде».

Корни расщепленности нового советского человека, который сумел выработать разные языки, системы ценностей и способы поведения для разных типов социального окружения, лежали в области личной и семейной, тогда как газета в первую очередь винула в упущениях партийные организации и их активистов. В партийных дискуссиях личное представлялось в виде негативного элемента, подрывающего всеобщие усилия, направленные на развитие экономики страны и ее подготовку к возможной, хотя и далекой войне. Опоздание или неявка на работу, например, рассматривались как результаты «недисциплинированной» личной жизни, усугубленной пьянством и развратом¹¹. Однако озабоченность официальных кругов по поводу личного была связана не только с влиянием последнего на экономическое развитие страны. Личная жизнь представляла собой явление, столь же неизвестное, как и само новое поколение. Это было серьезное упущение советской идеологической системы 1930-х годов — обходя вниманием столь существенный элемент советской действительности, идеологическая система позволила личному развиваться своим путем.

Согласно выводам официального обсуждения, процесс восстановления связи с новым поколением напрямую зависел от постижения личной сферы советского общества. Таким образом, будучи не в силах игнорировать появление нового поколения и связав его внутреннюю раздвоенность с областью личного, официальная идеология предвоенных лет признала существование частной сферы и мобилизовалась на ее освоение и подчинение. В отличие от 1920-х и начала 1930-х годов, когда личное всецело отождествлялось с общественным, личное и общественное в конце 1930-х — начале 1940-х годов представлялись родственными

сферами, и — в идеале — гармонично связанными друг с другом¹².

Частная жизнь оказалась предметом обсуждения на страницах «Правды», расширив область компетенции газеты. Активистам и аппарату предлагалось обратить внимание на область личного и пытаться проникнуть в нее при помощи персональных бесед. Общежития и дома стали отныне не менее важным местом проведения агитационной работы, чем общественные, партийные и комсомольские собрания. Комсомольским лидерам настойчиво советовали быть вожаками молодежи не только на работе, но и на отдыхе¹³. Освоение личного не сводилось ни к простому проникновению активистов в частную сферу, ни к словесным излияниям на собраниях после работы. «Правда» открыла широкую кампанию, предложив свои страницы для литературной дискуссии о личном и общественном и о новом советском поколении, развернувшейся ранее в «Литературной газете». Такие темы, как семейная жизнь, любовь и дружба, прижились в «Правде» и приобрели политическую значимость. В результате главный официальный печатный орган страны стал рупором нового советского человека с его внутренним миром, мыслями, эмоциями и чувствами. Вознесенный до уровня «души искусства», новый советский типаж занял центральное место в литературе конца 1930-х годов. «Правда» призывала литераторов прекратить превращение частной жизни человека в невыразительный фон, на котором разворачивается рассказ о великих стройках и сражениях. Писатели подвергались критике за то, что «прячут людей, их работу, их взаимоотношения, их мысли, радости и горести, мельчайшие проявления их жизни» за «заводскими трубами», за «асфальтированными дорогами» и за «учебниками по навигации»¹⁴. Общественная сфера в ее героическом выражении как единственное вместилище новых качеств поколения пошатнулась под натиском обыденных проявлений частной жизни.

Важность личной и семейной сфер получила дальнейшее развитие в «Правде» в статьях о детской литературе. Интерес газеты к эмоциональной жизни подростков, первой любви, свидетельствовал о серьезности намерений в деле изучения процесса возмужания нового советского поколения. Роман Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939) — одно из наиболее противоречивых произведений «на юношескую тему» — превозносилось в «Правде» за изображение «большого человеческого чувства», а также за обсуждение с молодым и образованным читателем сложных проблем «семьи, пробуждающейся любви и дружбы»¹⁵.

Восхваляемая за простоту, повесть Фраермана была все-таки далека от примитивизма и стереотипа. Главная героиня повести Таня, четырнадцати лет к началу повествования, изображается в процессе преодоления комплекса жертвы и отчуждения, возникшего в результате ухода из семьи отца, когда Тане не было и года. Через Танины мысли и чувства, через ее общение с матерью, отцом и приемным сыном отца — первой Таниной любовью — писатель изучает ощущение взросления и подростковое восприятие себя хозяином собственной судьбы. Повесть посвящена прежде всего событиям и превратностям частной жизни, которая наделяется особым значением в процессе формирования личности.

Для нового поколения советской молодежи неразрешенные конфликты личной жизни приобрели огромное значение и представляли основными дестабилизаторами общественного поведения и школьных взаимоотношений подростков. Только после того, как Таня почувствовала боль своей матери, вызванную расставанием с любимым человеком, после того, как она поняла, что любовь есть иррациональное, с трудом поддающееся контролю чувство, которое никогда не бывает в равной мере присуще разным людям, она освободилась от чувства вины и беспомощности и выработала в себе способность самой направлять свою личную и общественную жизнь. «Папа, — говорит она, — милый мой папа, прости меня. Я на тебя раньше сердилась, но теперь понимаю все. Никто не виноват —

ни я, ни ты, ни мама. Никто! Ведь много, очень много есть на свете людей, достойных любви. Правда?»¹⁶

В контексте попыток «Правды» понять новое поколение и соответствовать его интересам партийный запрет, наложенный на некоторые бытовые пьесы в 1930—1940-е годы, и в особенности мощную кампанию против фильма о жизни советских студентов, снятого по сценарию Авдеенко («Закон жизни») следует рассматривать лишь как нападки на отдельные примеры «фальшивого» изображения личной и повседневной жизни, а не как попытку искоренить тему целиком¹⁷. Таким образом, в предвоенные годы «Правда» распространила свое влияние на частную жизнь своих читателей и предприняла своевременные усилия к восстановлению связи с аудиторией.